

Содержание

Михаил Бойцов. Вводные замечания

СИМВОЛЫ И АРТЕФАКТЫ

Михаил Бойцов

Папа римский в Константинополе.....

Владимир Петрухин

Хазарское начало русской истории

Федор Успенский

Под Мухой Победы.

Конунг Сверрир и его знамя.....

КАМНИ И ОБРАЗЫ

Андрей Виноградов

Христианское зодчество после арабов:
в поисках новой идентичности.

Абхазское царство, Тао-Кларджетия,
Картли и Кахетия

Олег Воскобойников

Литературные истоки готической физиогномики.....

ДОРОГИ ВЕРЫ

Михаил Дмитриев

Иудаизм и евреи в зеркале
восточноевропейских православных
и католических текстов XV–XVI вв.

Олег Воскобойников

Лотарио де Сеньи и его трактат
«О ничтожестве человеческого состояния»

Лотарио де Сеньи

О ничтожестве человеческого состояния.

Перевод И.И. Аникьева

Список иллюстраций

Список сокращений

Указатель имен, литературных
произведений, географических названий.....

Авторский коллектив.....

Abstracts

Contents.....

Михаил Бойцов

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Академические интересы сотрудников Лаборатории медиевистических исследований (открытой в НИУ ВШЭ ровно пять лет назад) столь различны, что искать общий заголовок собранию подготовленных в ней трудов — дело едва ли не безнадежное. Тогда вместо того, чтобы силиться приглушить разнообразие тем, методов и подходов, обсуждавшихся в Лаборатории, не лучше ли, напротив, подчеркнуть его? Поставленный так вопрос привел к появлению названия *Polystoria* — не выдуманного сгоряча, а элегантно заимствованного у папского скриптора Джованни Каваллини де Черрони, жившего в начале XIV в. (Надеемся, что Святой Престол не предъявит претензий к присвоению находки, сделанной скромным служащим авиньонской курии.) Разве «полистория», или «множественность историй», — не самое подходящее определение как для усилий одного отдельно взятого исследовательского центра, так и для всего современного историописания? Одни из доминировавших когда-то в историческом знании «больших нарративов» вовсе рассыпались в прах, другие — пошли трещинами, а третьи — развалившиеся недавно — на наших глазах наспех пытаются склеивать. Старания эти, конечно, окажутся напрасными, но времени и усилий на них уйдет изрядно.

Еще недавно более или менее единая История (в различных ее — тоже исторически сменявшихся — вариантах) замещается в последние десятилетия множественностью разнонаправленных историй, очень по-разному «рассказываемых» все в большем числе различных сообществ. Они обычно отрывочны, эклектичны и, конечно, противоречат друг другу (как заметит склонный к ностальгии скептик), или же проявляют полифоничность (как скажет неисправимый оптимист).

Наша новая книга, пожалуй, тоже могла бы претендовать на полифоничность — во всяком случае, не в меньшей степени, чем

Фёдор Успенский

ПОД МУХОЙ ПОБЕДЫ. КОНУНГ СВЕРРИР И ЕГО ЗНАМЯ

doi:10.17323/978-5-7598-0000-0_00-00

Замечательный во многих отношениях текст «Саги о Сверрире» интересен историку и филологу, помимо всего прочего, тем, что это едва ли не единственная сага, созданная по прямому заказу и при непосредственном участии ее главного протагониста, самого короля Сверрира. Здесь нет ни многовекового зазора между событием и его фиксацией на пергаменте, ни проблемы длинной цепочки свидетельств, передаваемых из уст в уста, из поколения в поколение, а потому в иной конфигурации представит и глобальная саговедческая проблема — проблема достоверности повествования.

Так, практически не вызывает сомнений достоверность имен вещей, фигурирующих в тексте. Имена предметов, будь то оружие, доспехи, шлемы, щиты, боевые корабли или знамена, издавна воспринимались исследователями как явление весьма архаичское, связанное с языческой, и прежде всего с мифопоэтической, традицией¹. Жизнеописание же Сверрира позволяет убедиться, что во второй половине XII в. эта практика в давно крещеной Норвегии отнюдь не исчезла, но, напротив, была вполне жизнеспособна и актуальна, а возможно, даже переживала очередную волну популярности, своеобраз-

¹ В качестве объекта номинации в древнескандинавских текстах выступают самые разнообразные предметы, не только уже упомянутые атрибуты военного дела, но и рабочие инструменты, упряжь, колокола, питьевые рога и сосуды, утварь, украшения, посохи, двери, якоря... См. подробнее: Kahle B. *Altwestnordische Namenstudien // Idg. Forsch. Strassburg, 1903. Bd. XIV. S. 133–224.*

ный культурный расцвет². В частности, в саге несколько раз упоминается, что в эпоху гражданской смуты, когда Сверрир добивался норвежского престола, у него было знамя (*merki*), называвшееся не вполне тривиальным образом — *Sigrfluga* («Муха Победы»)³.

Что же это был за стяг и почему он так именовался?

Если говорить о скандинавском героико-эпическом бес-тиарии, то м у х а, насколько мы можем судить, не имеет здесь сколько-нибудь самостоятельного статуса, не наделяется она и какими-либо геральдическими функциями в позднейшей традиции. Слово *fluga* («муха») не используется в именах людей, хотя, с другой стороны, оно изредка появляется в прозвищах⁴, кличках к о н е й⁵ и однажды — в качестве названия о р у ж и я⁶. На первый взгляд, может показаться, что единственная устойчивая коннотация, связанная с мухой, это скорость, которая

² Помимо многочисленных имен кораблей (таких, как «Серый гусь», «Книжная торба», «Осторожность», «Любимая», «Мариин корабль», «Бородач», «Спокойствие духа», «Кожаные ножны», «Воительница», «Страшный иттевень», «Олень» и др.), мы находим в «Саге о Сверрире», к примеру, название меча — *Fiskhryggr* («Рыбий Хребет») или боевой трубы — *Andvaka* («Побудка», букв. «заставляющая бодрствовать»).

³ *Sverris saga / utg. ved G. Inderbø. Kristiania, 1920. Bls. 128, 140, 163, 181; Сага о Сверрире / изд. подгот. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988. С. 120, 132, 153, 171. (Лит. памятники).*

⁴ *Lind E.H. Norsk-Isländska Personbinamn från Medeltiden. Uppsala, 1920–1921. S. 86.*

⁵ *Kahle B. Altwestnordische Namenstudien. S. 159.*

⁶ Из «Саги о людях из Долины Дымов» не вполне ясно, именуется так меч или боевой топор, поскольку ее составитель, описывая своего героя, Скути Убийцу, уточняет: «У Скути в руке была Муха и шлем на голове. Об этом рассказывается по-разному, некоторые люди говорят так, как рассказывается здесь, будто бы это был топор и он звался Муха, другие же говорят, будто это был меч, который именовался Муха» (*Reykdoela saga ok Víga-Skútu // Íslenzka fornsögur. Bd. I–III. Kaupmannahöfn, 1880–1883. Bd. II. Bls. 130–131, k. XXVI*). В «Саге о Глуме Убийце» имя «Муха» (*Fluga*) носит меч, и принадлежит он все тому же Скути (*Víga-Glúms saga // Íslenzka fornsögur. Bd. I. Bls. 46, k. XVI*). Ср. также: *Kahle B. Altwestnordische Namenstudien. S. 202.*

вроде бы к знамени — в отличие от лошади и, возможно, меча — прямого отношения не имеет.

Вообще говоря, имена предметов в древнесеверной традиции часто представляют собой загадку для современного исследователя, хуже того: мы не всегда знаем, заложен ли в них этот элемент загадочности изначально, или для людей XII столетия, например, мотивировка выбора того или иного наименования была достаточно прозрачна? В случае с «*Мухой Победы*» мы полагаем, что некое кодирование, шифр, культурная игра здесь присутствовали, но вместе с тем это была загадка, поддающаяся отгадыванию и на него рассчитанная.

Еще в конце XIX в. Густав Сторм заметил, что название «*Муха Победы*» по своей структуре очень напоминает стандартные скальдические кеннинги, такие, например, как «*дерево битвы*» (= м у ж), «*леопард лебедок*» (= к о р а б л ь) или «*кукушка трупов*» (= в о р о н). Если же наименование стяга есть не что иное, как двухчленный кеннинг по форме, то нужно и читать его соответственно как кеннинг, обозначающий некое другое понятие. В таком случае денотатом, означаемым для «*Мухи Победы*», по мысли Сторма, является в о р о н или о р е л, одна из двух основных птиц битвы в поэзии скальдов⁷.

Более того, Г. Сторм шел дальше и утверждал, что, скорее всего, на знамени Сверрира был изображен именно в о р о н. Исследователь, судя по всему, руководствовался тем, что в нашем распоряжении имеется несколько известий из средневековых источников, где в связи со знаменами викингов так или иначе упоминаются вороны. Одно из них встречается в Англосаксонской хронике под 878 г., другое — в латиноязычном «Па-

⁷ Storm G. Norges gamle Vaaben, Farver og Flag. Kristiania, 1894. S. 13–15. На сегодня точка зрения Сторма на наименование «*Муха Победы*» считается более или менее общепринятой и в качестве таковой воспроизводится как в целом ряде работ об эпохе Сверрира, так и в комментариях к саге (см., например: Paasche F. Kong Sverre. Kristiania, 1923. S. 152; Сага о Сверрире. С. 262; Бусыгин А.В. Из истории символики королевской власти в средневековой Норвегии (к истолкованию одного сна в «Саге о Сверрире») // Сред. века. 2004. Вып. 65. С. 123).

негирике королеве Эмме» («Деяния короля Кнута»), который являет собой не что иное, как похвалу датским властителям Англии, Кнуту Могучему и его отцу Свейну Виллобородому, третьем — в латинском «Житии Вальтэова и его отца Сиварда Толстого», а еще одно — в саговом описании сражения ирландцев и викингов при Клонтафре (1014 г.)⁸. Наконец, считается, что ворон изображен на стяге со знаменитого гобелена из Байё⁹.

Предположение о присутствии в о р о н а или о р л а на боевом знамени Сверрира представляется в чем-то вполне логичным и, вне всякого сомнения, заслуживающим внимания, однако не единственно возможным, а главное — отнюдь не окончательным, да и с изображением в о р о н а на стягах викингов все обстоит не так просто, к чему я еще вернусь ниже. Начнем, однако, с кеннинга как такового, приводя попутно некоторые соображения, значительно ослабляющие, на наш взгляд, гипотезу Г. Сторма.

В доступных нам скальдических сочинениях слово *fluga* никогда не задействуется в составе кеннингов, хотя мы хорошо знаем, что птица в кеннинге может кодироваться при помощи другой птицы или даже летающего насекомого — в качестве легитимного с точки зрения скальдической поэтики обозначения птиц битвы, в о р о н а или о р л а, здесь встречается, к примеру, «*лебедь победы*» (*sigrsvanr*)¹⁰ и «*шершень трупов*» (*hrægeitungr*)¹¹,

⁸ Ср.: Lukman N. The Raven Banner and the Changing Ravens: A Viking Miracle from Carolingian Court Poetry to Saga and Arthurian Romance // Classica et Mediævalia. 1958. Vol. XIX. P. 132–151. Мы рассмотрим подробнее некоторые из этих примеров ниже.

⁹ Строго говоря, на этом знамени мы можем разглядеть лишь изображение некоего крылатого существа. Был ли это в о р о н, о р е л или кто-то еще, сказать с уверенностью невозможно. Вороном же в исследовательской литературе его называют в силу сложившейся традиции.

¹⁰ См.: Egilsson S. Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis: Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog / 2. udg. ved F. Jónsson. København, 1931. S. 548; ср.: Meissner R. Die Kenningar der Skalden: Ein Beitrag zur skaldischen Poetik. Bonn; Leipzig, 1921. S. 122.

¹¹ Egilsson S. Op. cit. S. 289; ср.: Meissner R. Op. cit. S. 119–120.

но никак не «*муха битвы» или «*муха трупов»¹². Иными словам, мы вынуждены считать, что если «муха победы» — это кеннинг, то кеннинг нерегулярный, кем-то заново изобретенный и способный существовать изолированно, вне скальдического контекста. В таком случае перед нами с новой силой встает вопрос, почему для его образования было избрано слово *fluga* («муха»)?

Поясним, в чем именно заключается проблема. Если «муха победы» — это стандартный кеннинг, использующийся внутри скальдического текста, то вопрос, почему *муха*, *лебедь* или *шершень* избраны в качестве кодирующего слова, не вполне правомерен — здесь скальдическая поэтика изумляет читателя Нового времени своим принципиальным отсутствием индивидуализации и сугубо формальным основанием для сближения объектов в кеннингах¹³. Как известно, *древом брони* или *раздавателем богатств* может быть назван с равным успехом *конунг*, *простой дружинник* или *нищий калека*, важно лишь, что и тот, и другой, и третий — *мужи*, а их удаль в сражении или способность наделять имуществом не имеют решительно никакого значения. *Корабль* соответственно может быть соотнесен с конем, а также любым другим животным, будь то *вепрь*, *медведь*, *леопард* или *вол*, лишь бы во второй части кеннинга присутствовала некая морская атрибутика, отсылающая к определенной денотативной сфере и позволяющая опознать в целом кеннинг *корабля*; в *вепре же*, *волé* или *леопарде* ни-

¹² Соответственно в том единственном случае (см. о нем ниже), когда предметом кодирования у скальда становится *муха*, она закономерным образом обозначается в стихе как *птица* (*skarfr* — «баклан»); ср. в связи с этим: *Meissner R.* Op. cit. S. 110, 111.

¹³ Об этой особенности скальдического кеннинга см. подробнее: *Meissner R.* Op. cit. S. 247–248; *Стеблин-Каменский М.И.* Историческая поэтика. Л., 1978. С. 52–53; *Он же.* Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов / изд. подгот. С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1979. С. 104–106 (Лит. памятники); *Fidjestøl B. Selected papers / Fidjestøl B., Haugen O.E., Mundal E., Foote P.G.* Odense, 1997. P. 46–52; *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 27–30.

какой специальной семиотики или геральдики в данном случае нет и в помине.

Такой виртуозный формализм, будучи однажды понят современным читателем, настолько его поражает, что заставляет забыть, что и в скальдическом произведении не во всех кеннингах царят тотальная демотивированность и условность. В известном смысле, шифр не везде устроен по одному принципу. Например, имеется кеннинг «горе змей» (*snáka stríð*), означающий *зиму*, где вполне есть смысловая связь и между компонентами, и между означаемым и означающим, а кеннинг «страж Греции и Гардов» (т.е. Руси. — Ф. У.) (*Girkja vörð ok Garða*) употреблен, скажем, в поэме по отношению к Христу, которому уподобляется не кто иной, как конунг Харальд Суровый, прославившийся своими подвигами именно в Греции и на Руси¹⁴. Очевидно, что изолированное кеннингоподобное обозначение вроде «мухи победы» тем более допускает смысловую переключку между компонентами и собственным означаемым. Какая же связь могла существовать между мухой, победой и стягом? Какие коннотации, помимо скорости, есть у слова *fluga* в скандинавской культуре и в какой ряд культурных ассоциаций сама *муха* может здесь встраиваться?

В саговом нарративе и за его пределами *fluga* зачастую непосредственно связана с ситуацией убийства и кровопролития, но отнюдь не так, как этого можно было бы ожидать, и вовсе необязательно именно с ними. В древнеисландском языке существует идиоматический ряд, целиком и полностью построенный на интересующем слове, а именно такое выражение, как *taka við flugu* («принять, поймать муху»), или синонимичный ему, не менее выразительный оборот *gína við/yfir flugu* («проглотить муху»). Соответствующее же активное действие обозначалось как *koma flugu í munn einhverjum* («запустить кому-нибудь в рот муху»).

¹⁴ Ср.: Успенский Ф.Б. Заметки о топонимике в поэтическом мире скальдов. Кто был «страж Греции и Гардов» в глазах поэта XI в.? // Древнейшие государства Вост. Европы. 2009: памяти И.С. Чичурова / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2010. С. 211–219.

Приведем лишь несколько примеров бытования этих идиоматических конструкций.

В «Саге о людях с Песчаного Берега» весьма подробно излагается история конфликта между тремя исландскими бондами — Торольвом Скрюченная Нога, обладавшим крайне злобным и буйным нравом, лишь усугубившимся под старость, его родным сыном Арнкелем, добропорядочным, успешным и радушным хозяином, ставшим одним из самых влиятельных людей в округе, и неким вольноотпущенником Ульваром, которого Арнкель на определенных условиях взял под свою защиту.

На очередном витке конфликта Торольв Скрюченная Нога, питавший особую неприязнь к Ульвару, задумал отомстить своему сыну за понесенные убытки и потерю рабов, которых Арнкель распорядился повесить после неудавшейся попытки поджечь хутор Ульвара вместе с его хозяином. Для этого Торольв отправился к своему другу Гильсу, обладавшему примечательным с точки зрения нашей работы прозвищем *Ведун* (Spágils), и предложил тому за три марки серебра убить Ульвара. Как поясняет составитель саги, «поскольку у Гильса Ведуна на попечении были малые дети и он испытывал нужду в деньгах, он *ухватил эту муху* (tók hann við flugu þessi) и засел под изгородью возле Ульваровой горы»¹⁵.

В другой саге — знаменитой «Саге о Ньяле» — некий Торд Вольноотпущенников Сын, который жил в семье Ньяля и Бергторы и был воспитателем их детей, убивает по распоряжению Бергторы человека по имени Брюньольв. Убитый был родичем одного из центральных персонажей саги — Халльгерд, жены Гуннара с Конца Склона, ближайшего друга Ньяля, и хотя за

¹⁵ Eyrbyggjasaga / hrsg. v. H. Gering. Halle a. S., 1897. Bls. 319, k. XXXII. (ASB; 6). В имеющемся русском переводе саги соответствующий оборот передан как «согласился стать *наемным убийцей*» (Исландские саги: в 2 т. / пер. с древнеисланд. яз., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2004. Т. 2. С. 70. (Studia Philologica)). Как мы увидим ниже, у переводчика были определенные основания для такого решения.

погибшего немедленно была выплачена вира (т.е. формально конфликт был исчерпан, едва начавшись), Халльгерд воспылала желанием отомстить семье Ньяля. Для этого она обольстила Сигмунда, сына Ламби, родственника Гуннара, который вместе с приятелем, шведом по имени Скъэльд, гостил всю зиму на хуторе Конец Склона, и уговорила их напасть при удобном случае на Торда.

Вскоре случай представился. Сигмунд и Скъэльд вдвоем напали на Торда Вольноотпущенникова Сына, и в завязавшемся бою Торд погиб. Убийцы вернулись на хутор с рассказами о случившемся. Услышав это, Раннвейг, мать Гуннара и соответственно свекровь Халльгерд, сказала:

Говорится, что недолго рука радуется удару. Так будет и в этом случае. Однако Гуннар на этот раз вызовет тебя. Но ежели Халльгерд еще раз удастся *запустить тебе муху в рот* (ef Hallgerðr komr annari flugu í munn þér), тебе не сдобровать¹⁶.

Гуннар узнает о произошедшем убийстве на тинге и немедленно отправляется к Ньялю. Друзья тут же договариваются о выплате большой виры, после чего Гуннар возвращается с тинга домой. При встрече с Сигмундом Гуннар долго укоряет его и, наконец, произносит:

Неудачливый ты человек и дурным делам отдаешь себя. На этот раз я за тебя заплатил, но больше не позволяй *запустить тебе муху в рот* (ok skyldir þú nú eigi annarri flugu láta koma í munn þér). Ты не такой, как я. Ты часто насмехаешься и издеваешься над людьми. Я человек другого склада. Потому-то ты дружишь с Халльгерд, что у вас много общего¹⁷.

Из приведенных коллизий видно, что эти идиомы употребляются в более или менее стандартных ситуациях, когда чело-

¹⁶ Brennu-Njálssaga (Njála) / hrsg. v. F. Jónsson. Halle a. S., 1908. Bls. 96, k. XLII. (ASB; 13). Ср.: Исландские саги: в 2 т. / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 121.

¹⁷ Brennu-Njálssaga (Njála). Bls. 98, k. XLIII. Ср.: Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. II. С. 122.

века подстрекают или уговаривают совершить некий поступок или ряд поступков, в которых он изначально не заинтересован. Довольно часто — это убийство некоего лица, у которого с убийцей нет прямого конфликта, распри или личной неприязни. Однако порой в сагах подобные обороты встречаются в куда менее кровопролитных ситуациях, когда, к примеру, Демосфен, согласно «Саге об Александре», подстрекал жителей Афин не принимать Александра Македонского в качестве нового конунга, а они, в свою очередь, *проглотили эту муху* (ос þeir gína við þesse flugu)¹⁸, или человеку в Исландии отдавали на воспитание ребенка и тем самым втягивали во вражду между могущественными людьми.

Именно такова, в частности, предыстория распри, которая излагается в «Саге о Хёрде и островитянах», где женщина по имени Сигню вышла замуж за пожилого, богатого и могущественного Гримкеля Годи. Брак оказался неудачным, и в какой-то момент Сигню, будучи беременной, отпросилась у мужа погостить на семейном хуторе в Долине Дымов, у своего родного брата Торви. Здесь Сигню родила девочку и вскоре после родов скончалась, оставив младенца на руках у родичей. Торви, ненавидевший своего зятя Гримкеля, не решился лишить жизни новорожденную племянницу, поскольку, как сказано в саге, «умерщвлять ребенка, уже окропленного водой, считалось тогда убийством». Желая, тем не менее, избавиться от девочки и одновременно досадить Гримкелю, Торви отдал ее на воспитание в семью жившего подаянием бродяги по имени Сигмунд, поскольку считал это большим поношением для Гримкеля, а кроме того, был уверен, что Гримкель не станет мстить нищему.

¹⁸ Alexanders saga. Islandsk oversættelse ved Brandr Jónsson (biskop til Holar 1263–64) / udg. af Kommissionen for det Arnamagnæanske Legat [ved F. Jónsson]. København, 1925. Bls. 9. Ср. еще примеры, свидетельствующие о том, что интересующие нас выражения охотно использовались и в древнескандинавских переводных сочинениях: Heilagra manna sögur. Fortællinger og legender om hellige Mænd og Kvinder / udg. af C.R. Unger. Bd. I–II. Christiania, 1877. Bd. I. Bls. 32, k. V. (Ambrosius saga byskups); Mariu saga. Legender om jomfru Maria og hendes jertegn / udg af C.R. Unger. Christiania, 1867–1871. Bls. 1082.

Ничего не подозревавший Сигмунд стал обходить с ребенком наиболее зажиточные усадьбы, где ему теперь оказывали хороший прием как воспитателю дочери знатного годи, и добрался до хутора Гримкеля. Узнав, что его дочь находится на попечении бродяги, Гримкель по понятным причинам пришел в ярость и решил отомстить Торви. Однако он не оставил дочь у себя, велел Сигмунду немедленно убраться из его дома:

Пришлось им тут же уйти вместе с девочкой. Они (Сигмунд с женой. — Ф. У.) шли через Мыс Грима и через Купальную Долину и вовсе бросили заботиться о девочке, потому что они и не чаяли когда-нибудь сбить ее с рук. Сигмунду казалось, что он *заглотил муху* (Þóttist Sigmundur nú yfir flugu ginit hafa), согласившись взять у Торви этого ребенка¹⁹.

Наконец, в еще одной саге, где повествуется о вражде знатного исландца Торстейна, сына Халля с Побережья, побывавшего на службе у ярла Сигурда Толстого (см. о нем ниже), с человеком по имени Торхадд, интересующий нас оборот возникает в несколько отличающемся от предыдущих эпизодов контексте. Здесь Торхадд заключает сделку с неким бродягой Гримкелем, в соответствии с которой тот должен отправиться на запад страны и обвинить Торстейна в том, что он каждую девятую ночь становится женщиной и совокупляется с мужчинами. *Проглотив эту муху* (yfir þessa flugu gein Grímkell...), Гримкель отправился в путь и принялся разносить внушенное ему клеветническое измышление (rógmæli) по домам²⁰.

Обычно выражения «*taka við flugu*», «*gína við / yfir flugu*», «*koma flugu í munn einhverjum*» соотносят с практикой рыбной ловли и рассуждают о том, что *проглотить* или *схватить муху* связаны с тем, что рыбак наживляет муху на крючок, а рыба ее

¹⁹ Íslendinga sögur / udg. efter gamle Haandskrifter af det kongelige nordiske Oldskrift-Selskab. Bd. I–III. Kjöbenhavn, 1843–1883. Bd. II / udg. ved J. Sigurdsson og C.C. Rafn. Kjöbenhavn, 1847. Bls. 25, k. IX; ср.: Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. II. С. 384.

²⁰ Þorsteins saga Síðu-Hallssonar // Austfirðinga sögur / udg. ved J. Jakobsen. København, 1902–1903. Bls. 222, <k. III>. (STUAGNL; 29).

заглатывает²¹. Однако такое построение — эффектное само по себе — в перспективе конкретной языковой и повествовательной традиции грешит известной умозрительностью. Прежде всего стоит отметить, что для обозначения рыбацкой наживки, приманки слово *fluga* в древнеисландских текстах никогда не используется. Здесь мы находим специальные термины *agn* (ср. р.) и, в особенности, *beita* (ж. р.), этимологически связанные с глаголом *bíta* («кусать, хватать пастью, ртом»), который также означает «клевать», «захватывать наживку» (о рыбе)²². Последний термин и соответствующий глагол легко и охотно употребляются как в описании обыкновенной рыбной ловли²³,

²¹ См., например: Norges gamle Love indtil 1387. Bd. I–V. Bd. V: Supplement til foregaaende Bind og Facsimilier samt Glossarium med Registre / udg. ved G. Storm og E. Hertzberg. Christiania, 1895. S. 198; *Liestøl K. Fiska dei gamle nordmennene med fluge? // Saga og folkeminne: festskr. til Knut Liestøl på 60-årsdagen* 13. Nov. 1941. Oslo, 1941. S. 89–91. Русские переводчики саг, по всей видимости, придерживаются такой же точки зрения, поскольку в большинстве случаев эти конструкции переводятся как «кляннуть», «попасться на удочку».

²² Как отмечалось исследователями, слово *agn* не принадлежит к числу собственно рыбацких терминов, обозначая в языке древнескандинавской прозы скорее приманку для зверя (*Cleasby R. An Icelandic-English Dictionary / enl. a. compl. by G. Vigfússon. Oxford, 1874. P. 10*). При этом в «Старшей Эдде» *agn* появляется, наряду с *beita*, именно при описании рыбной ловли — в «Песни о Хюмире» Тор ловит на удочку мирового змея, насадив на крючок бычьей голову (*Hymiskviða // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / hrsg. v. G. Neckel. Bd. I: Text. Heidelberg, 1936. Bls. 87–89*; Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1963. С. 51, строфы 17, 18, 22. (Лит. памятники)). Примечательно вместе с тем, что в прозаическом пересказе данного сюжета в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона для обозначения наживки последовательно употребляется *beita*, хотя единожды упоминается и композит *agnsax* — «нож для приготовления приманки», которым в кульминационный момент была обрезана леска (*Snorri Sturluson. Edda / udg. af F. Jónsson. København, 1900. Bls. 55–56, k. XLVII*; Младшая Эдда / изд. подгот. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1970. С. 79–80).

²³ Ср., например: *Laxdoela saga / hrsg. v. Kr. Kålund. Halle a. S., 1896. Bls. 31, k. XIV. (ASB; 4)*; Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. I. С. 239.

так и метафорически²⁴, однако ни в тех ни в других ситуациях *fluga*, повторимся, не фигурирует, да и никаких свидетельств того, что практика ловли на муху вообще существовала в средневековой Скандинавии, в нашем распоряжении нет. Иными словами, ни языкового, ни сюжетного материала, позволяющего подкрепить специфически «рыболовное» происхождение интересующих нас оборотов, в древнесеверных текстах не обнаруживается.

В то же время, помимо перечисленных идиом, существует слово, которое буквально можно перевести как «люди мухи» (*flugumenn*) или «человек мухи» (*flugumaðr*), присутствующее не только в родовых сагах («Сага о Бьёрне, Богатыре с Хитреки»²⁵, «Сага о Глуме Убийце»²⁶, «Сага о людях со Светлого Озера»²⁷, «Сага о людях из Долины Дымов»²⁸, «Сага об иудеях»²⁹ и др.), но — что гораздо важнее — и в законодательстве³⁰. В за-

²⁴ Ср. описание поисков тела только что убитого в морском сражении конунга Магнуса Эрлингссона в «Саге о Сверрире»: «В следующее воскресенье к вечеру многие люди поехали в лодках искать трупы. Конунг подъехал к ним на небольшом корабле. Одного человека звали Льот. Он был сын Харальда. Он был в лодке с двумя другими — Арни, сыном Гудмунда, и Ионом Макушкой. Конунг сказал им: “Ну, как, рыбачите? Что поймали?” В это самое время они вытащили на борт мертвое тело. Конунг сказал: “Хорошую рыбу вы вытащили. Здорово вам повезло”. “Да, — сказали те, — *хорошо клюнуло* (*hefir þa bitit mioc vel*), государь, если это тело Магнуса конунга!” Сверрир конунг сказал: “Это действительно тело Магнуса конунга”» (*Sverris saga. Bls. 102, k. XCV; Flateyjarbók / udg. af G. Vigfússon, C.R. Unger. Bd. I–III. Christiania, 1860–1868. Bd. II (1862). Bls. 618; Saga о Сверрире. С. 97*).

²⁵ *Bjarnar saga Hitdœlakappa / hrsg. v. R. Boer. Halle a. S., 1893. Bls. 44, k. XIX.*

²⁶ *Viga-Glúms saga. Bls. 45, k. XVI.*

²⁷ *Ljósvetninga saga // Íslenzka fornsögur. Bd. II. Bls. 181, k. XVIII.*

²⁸ *Reykdoela saga ok Viga-Skútu. Bls. 9, k. II; 127, k. XXVI; 136, k. XXVII.*

²⁹ *Gyðinga saga. En bearbejdelse fra midten af det 13. årh. ved Brandr Jónsson / udg. ved G. Þorláksson. København, 1881. Bls. 39, k. XI. (STUAGNL; 6).*

³⁰ *Norges gamle Love... Bd. I: Gamle Norske Lovre eldre enn 1263 / udg. ved P. Keyser og P.A. Munch. Christiania, 1846. S. 19, k. XXXII (Ældre Gulathing-Lov); 182, k. XLV (Ældre Frostathing-Lov); 391–392, k. L (Ældre Eidsivathing-Christen-*

конах Норвегии этот правовой термин означает не кого иного, как подосланного убийцу, человека, которого наняли или уговорили совершить преступление, выгодное кому-то другому, а отнюдь не того, кого используют лишь для приманивания жертвы, не, так сказать, человека-наживку. Норвежские судьи выделяют таких «убийц не для себя» в особую категорию, запрещая хоронить их на церковном кладбище, в освященной земле³¹.

Нетрудно убедиться, что и в сагах все случаи употребления соответствующих идиом и этого термина связаны прежде всего с тем, что человек с того момента, как он *проглотил муху*, как бы начинает осуществлять не свою волю, действует в чужих интересах, зачастую наперекор своим собственным. Иногда он поступает так в результате обмана, однако этот компонент не является обязательным и доминирующим. Гораздо чаще участник этой ситуации в целом представляет, на что он идет, но сохраняет свободу действия лишь до того момента, пока по тем или иным обстоятельствам *не впустил в себя муху*.

В этом отношении особенно выразителен скальдический стих, где интересующий нас оборот «*схватить, заглотить муху*» появляется дважды, один раз — непосредственно, а другой — в зашифрованном виде. В эпоху крещения Исландии (999/1000 г.), когда на острове активно действовал немецкий миссионер по имени Тангбранд, посланный из Норвегии конунгом Олавом Трюгвасоном, группа воинствующих язычников вознамерилась убить священника. После серии неудачных покушений (в том числе с применением колдовства) Торвальд Хво-

ret); Bd. II: Fra 1263 til 1280 / udg. ved P. Keyser og P.A. Munch. Christiania, 1848. S. 51, k. IV (Nyere Lands-Lov).

³¹ Norges gamle Love... Bd. I. S. 391–392, k. L (Ældre Eidsivathings-Christenret). Ср. также производное от интересующего нас слова прилагательное *flugumannligr/óflugumannligr* («(не) выглядящий как человек мухи, как *flugumaðr*») (Vatnsdæla saga / hrsg. v. W.H. Vogt. Halle a. S., 1921. Bls. 106, k. XL. (ASB; 16); Þorgils saga ok Haflíða // Sturlunga saga: in 2 vols / ed. G. Vigfússon. Oxford, 1878. Vol. I. Bls. 11, k. V).

рый, один из предводителей язычников, попытался заставить Ульва, сыну Угги, напасть на Тангбранда и убить его. Пожелание Торвальда было выражено в виде скальдической висы (строфы), на которую Ульв ответил другой висой, где, среди прочего, было сказано следующее:

Я не впущу посланного баклана [= м у х у] в убежище/пещеру зубов [= р о т] [...] не по мне (т.е. «не в моем стиле»), [о] попечитель рысака реи [= м у ж , т.е. Торвальд Хворый; [рысак реи = к о р а б л ь]], *глотать муху*³².

Как кажется, этот семантический компонент «действовать не по своей воле» связан с особой — магической — функцией, присваиваемой м у х е в северной традиции. В Скандинавии зафиксировано некогда широко распространенное поверье, согласно которому колдун может посылать мух, чтобы непосредственно умертвить свою жертву, или — что для нас еще более интересно — колдун насылает мух на некоего человека, которого он избрал своим орудием. Проглотив или вдохнув такую муху, впустив ее в рот, тот становится исполнителем чужой воли, воли колдуна, и убивает жертву, так сказать, «по заказу», потому что она враждебна колдуну, а отнюдь не ему самому. По указанию Р. Клизби (со ссылкой на словарь Верелиуса), в шведских законах *человек мухи* — это терминологическое обозначение не кого иного, как колдуна, а вовсе не подосланного убийцы, как у норвежцев. Иначе говоря, в двух близких правовых традициях термин поочередно отсылает то к пассивной, то к активной стороне ситуации: у шведов это, так сказать, повелитель мух, а у норвежцев — их потребитель. Сама же м у х а , таким образом, мыслится как источник ментальной заразы, именно она заставляет

³² «Tekkat við tanna hvarfs hleypeskarfe [...] esat minligt, ráfáka roeker, at gína flugu» (Brennu-Njálssaga (Njála). Bls. 238, k. CII; Kristni saga. Þátr Þorvalds ens víðförla. Þátr Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka / hrsg. v. B. Kahle. Halle a. S., 1905. Bls. 23–24, k. IX. (ASB; 11); Óláfs saga Tryggvasonar en mesta in 3 bd. / udg. ved Ó. Halldórsson. København, 1961. Bd. II. Bls. 158. (Editiones Arnarnagæanæ; Ser. A)). Ср.: Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. II. С. 122.

людей, независимо от их собственных устремлений, вести себя так, а не иначе. В позднейших фольклорных текстах встречается обозначение *galdrfluga* или *gandrfluga*, т.е. «колдовская муха», — как только человек проглотил такое насекомое, он неизбежно оказывается под его воздействием и должен исполнять то, ради чего оно было послано³³.

Возвращаясь, наконец, к знамени Сверрира, мы можем — в свете только что намеченной перспективы — предположить, что его имя (*Sigrfluga*) построено на том, что этот стяг разносит, сеет победу вокруг себя, заставляет побеждать тех, кто под ним собрался. Прежде чем перейти к более подробному обоснованию этого ключевого для нас тезиса, следует сказать несколько слов об общих функциях стяга. В чем-то эти функции проявляют феноменальную устойчивость, и сегодняшний символизм боевого знамени напрямую наследует символизму средневековому, что само по себе достаточно нетривиально. В то же время у викингов и несколько позднее знамя, конечно, куда более непосредственно ассоциируется с, так сказать, магией прямого действия. Можно вспомнить как раз те знамена, которые носят имя и (или) изображение ворона.

На одном из них, как гласит «Сага об оркнейцах», ворон был виден напрямую, причем, когда дул ветер, птица махала крыльями. Это знамя вышила мать оркнейского ярла Сигурда Толстого по имени Эдна, дочь ирландского короля Кьярвала,

³³ Наиболее подробно эти представления проанализированы в работах: *Heide E. Gandfluga og sjamanismen // Nordica Bergensia. 2002. Bd. 28. S. 61–103; Gand, seid og åndevind / dr. art.-avhandling E. Heide. Bergen, 2006. Passim, особенно к. 4.6 и с. 155–167, 179–185; Heide E. Spirits through respiratory passages // The Fantastic in Old Norse / Icelandic Lit. Sagas a. the British Isles: prepr. papers of the 13th Intern. Saga Conf. Durham a. York, 6th–12th Aug., 2006 / ed. by J. McKinnell, D. Ashurst, D. Kick. Durham, 2006. P. 354–355, однако на возможную связь этих концептов с анализируемыми здесь древнеисландскими идиомами и правовым термином указывалось и ранее (ср.: *Cleasby R. Op. cit. P. 162; Bruchstücke der Rechtsbücher des Borgarthings und des Eidsivathing* / bearb. v. R. Meißner. Weimar, 1942. S. 129, Fn. 3; *Amory F. The Medieval Icelandic Outlaw: Life-Style, Saga, and Legend // From Sagas to Society: Comparative Approaches to Early Iceland / ed. by G. Pálsson. Enfield Lock, 1992. P. 200).**

и она заколдовала его так, что «*тот получал победу, перед кем его несли, но тот, кто нес знамя, непременно погибал в битве*» («*sigrsælt myni verða þeim, er fyrir er borit, en banvænt þeim, er berg*»)³⁴. В конце концов, дело дошло того, что в битве при Клонтарфе (1014) ни один человек не соглашался взять знамя у очередного павшего знаменосца, ярл снял его с шеста, спрятал на себе под одеждой и бросился в бой. Тогда войску был явлен голос с небес, куда им надлежит перебросить свои силы, чтобы победить, они действительно победили, а ярл, как и было предсказано, погиб³⁵.

Совершенно очевидно, что стяг в этом сюжете обладает всеми свойствами магического предмета, неизменно действенного и столь же неизменно опасного при непосредственном с ним контакте. В интересующей нас перспективе этот рассказ особенно примечателен тем, что здесь представлен и субъект колдовства — в саге упомянута мать ярла, которая наделяет знамя этой самостоятельной и обоюдоострой силой.

Другое знамя, под которым, согласно описанию латиноязычного сочинения «Панегирик королеве Эмме» («Деяния короля Кнута»), в 1016 г. сражались даны (датчане) в Англии, в дни мира было просто куском белого шелка, не несшим на себе никакого изображения, и только в битве на нем проступал как будто вышитый кем-то ворон, который разевал клюв, перебирал ногами и хлопал крыльями в тот момент, когда те, кто владел знаменем, побеждали, но слабел и поникал всем телом, когда

³⁴ *Orkneyinga saga / F. Guðmundsson gaf út. Reykjavík, 1965. (Íslenzk fornrit; 34). Bls. 24–25, k. XI.*

³⁵ *Þorsteins saga Síðu-Hallssonar. Bls. 217; ср.: Orkneyinga saga. Bls. 27, k. XII.* Замечательно, что когда ярл, лишившись всех знаменосцев, предлагает взять смертоносный и победоносный стяг Торстейну, сыну Халля с Побережья, тот отвечает ему: «Сам неси своего ворона, ярл!» («*Þer sjálf krák þinn jarl!*»). В соответствующем эпизоде «Саги о Ньяле» ярл Сигурд обращается с аналогичным распоряжением к человеку по имени *Храфн Рыжий* (букв. Красный Ворон — *Hrafn enn rauði*), на что тот отвечает: «Возьми сам своего чёрта!» («*Þer þú sjálf fr fjanda þinn*») (*Brennu-Njálssaga (Njála)*. Bls. 410, k. CLVII; *Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. II. С. 363).*

они терпели поражение³⁶. Следует иметь в виду, что «Панегирик королеве Эмме» — произведение, отнюдь не принадлежащее к сказочному жанру, но заказной продукт политической пропаганды XI в., что отчасти сближает его с «Сагой о Сверрире». Мы видим, как обладание знаменем с волшебными свойствами весьма органично встраивается в общую идеологическую программу этого текста, связанную прежде всего с прославлением датских правителей Англии.

На таком фоне кажется вполне закономерным, что имя знамени Сверрира — *Sigrfluga* («Муха Победы») — обыгрывает известный из саговой традиции элемент магической атрибутики. Здесь сложным образом сочетаются несколько функций боевого стяга. С одной стороны, знамя должно показывать, где в момент битвы находится конунг, дабы все его сторонники объе-

³⁶ *Encomium Emmae Reginae* / ed. by A. Campbell. L., 1949. P. 24–25. (Camden 3rd ser.; no. 72). Весьма сходное описание знамени язычников, сотканного дочерьми Рагнара Лодброка (Кожаные Штаны) и носящего наименование *Ворон*, содержится под 878 г. в латинских «Анналах св. Неота», хронографическом сочинении, созданном в первой половине XII в. при аббатстве св. Эдмунда в Суффолке (Asser's Life of King Alfred, together with the Annals of Saint Neot erroneously ascribed to Asser / ed. by W.H. Stevenson. Oxford, 1904. P. 44, 265–267; The Annals of St Neots with Vita Prima Sancti Neoti / ed. by D. Dumville, M. Lapidge. Cambridge, 1985. P. 78. (The Anglo-Saxon Chronicle; 17)); согласно анналам, стяг обладал способностью предсказывать исход битвы: если тем, кто шел за ним, суждено было победить, изображенный на нем ворон, казалось, трепетал крыльями, но если им предстояло проиграть битву, он поникал. Под тем же (878) годом в «Англосаксонской хронике» (рукописи В, С, D, E) помещено свидетельство о разгроме скандинавского войска в Девоншире (Уэссекс), когда был захвачен боевой стяг, который «они (т.е. викинги. — Ф. У.) называли Ворон» ([D]: þær wæs gudfana genumen ðe hi Hraefn hæton; [E]: þær wæs se gudfana genumen þe hi ræfen heton) (The Anglo-Saxon Chronicle, MS D / ed. by G.P. Gubbin. Cambridge, 1996. Sub anno 878. (The Anglo-Saxon Chronicle; 6); The Anglo-Saxon Chronicle, MS E / ed. by S. Irvine. Cambridge, 2004. Sub anno 878. (The Anglo-Saxon Chronicle; 7)). Англо-нормандский хронист Жеффрей Гаймар (XII в.) уточняет в своей «Истории англо», что так назывался стяг, принадлежавший Убби, брату Ивара, одного из сыновей Рагнара Лодброка (Кожаные Штаны) (*Gaimar G. L'Estoire des Engleis* / ed. by A. Bell. Oxford, 1960. Sub anno 878. (Anglo-Norman texts; 14–16)). Ср. также: *Lukman N.* Op. cit. P. 140–151.

динялись под ним, и благодаря этой опознавательной функции оно всегда тесно связано со своим обладателем. С другой стороны, в его символике есть и иной пласт — оно может магическим образом обеспечить победу всякому, кто идет за ним, т.е. несет эту победу само по себе. Этим волшебным свойством в древне-северных текстах наделяются разные стяги, не только те, на которых присутствует ворон.

Особенно выразителен в этом отношении рассказ, известный из «Саги о Харальде Суровом», где конунг Норвегии признаётся, что знамя «Опустошитель страны» (*Landeyða*) — самое дорогое из его сокровищ. Обратим внимание, что между собеседниками идет спор о наличии у этого конкретного знамени магической силы, однако в потенциальной способности стягов воздействовать на ситуацию никто из участников диалога не сомневается:

Немного спустя случилось как-то вечером, что Харальд [Суровый] и Свейн [Эстридссон, будущий конунг Дании] беседовали за питьем. Свейн спросил, какое из сокровищ Харальда тому всего дороже. Тот отвечает: его стяг «Опустошитель Страны». Тогда Свейн спросил, что делает его таким ценным сокровищем. Харальд говорит, что, как было предсказано, тому достанется победа, перед кем понесут этот стяг, и так это было с тех пор, как он у него (выделено мной. — Ф. У.) («þat var mælt, at sá myndi hafa sigr, er merkit er fyrir borit, segir, at svá hafði orðit, síðan er hann fekk þat»). Свейн отвечает: «Я тогда поверю, что таково свойство стяга, когда ты дашь три сражения своему сородичу Магнусу конунгу и одержишь во всех них победу». Тогда Харальд говорит сердито: «Я знаю о своем родстве с Магнусом, даже если б ты и не напомнил мне о нем. Но даже если мы сейчас с ним враги, это не значит, что мы не можем встретиться с ним как друзья»³⁷.

³⁷ *Heimskringla* / udg. ved F. Jónsson. Bd. I–IV. København, 1893. Bd. III. Bls. 105, k. XXII. (STUAGNL; 23); *Снорри Стурлусон.* Круг земной / изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 413. (Лит. памятники). Название стяга, принадлежавшего Харальду Суровому практически ничего не сообщает нам о том, нес ли он на себе какое-либо изображение, и если нес, то какое. Не исключено, что Харальд мог ориентироваться в этом отношении на своего единоутробного бра-

В «Саге о Сверрире» знамени несомненно приписывается эта связанная с магией функция разносчика победы. Иначе невозможно, например, интерпретировать эпизод, когда врагам конунга в морском бою удается захватить «Муху Победы» и они немедленно водружают ее на носу своего главного корабля³⁸. В самом деле, это действие — одновременно и совершенно невозможное, и совершенно закономерное, если принять во внимание двойственность символики знамени. С одной стороны, начать биться под чужим, захваченным только что знаменем — идея довольно причудливая и опасная, для скандинавов она столь же странна, как если бы части Красной армии, захватившие немецкое знамя, пошли бы с ним в атаку³⁹. С другой сто-

та, конунга Олава Святого, у которого на боевом знамени белого цвета был изображен змей (ormr) (Heimskringla. Bd. II (1895). Bls. 68, k. XLIX; *Snorri Sturluson*. Указ. соч. С. 191). С другой стороны, название Landeyða («Опущенная Страна»), по-видимому, в искаженном виде попало в латинский текст под названием «Житие Вальгезова и его отца Сиварда Толстого», где оно выглядит как Ravenlandeye и поясняется как «ворон, ужас земли» («...Ravenlandeye, quod interpretatur corvus terroris terreni») (Scriptores rerum Danicarum medii aevi / ed. J. Langebek. T. I–IX. Hafniae, 1772–1878. T. III (1774). P. 301). Согласно данному источнику, ярл Сивард Толстый получил это знамя от некоего неведомого старика, за которым просматривается, возможно, фигура Одина, а впоследствии жители Йорка поместили стяг в церкви св. Марии. Подробнее о названии этого стяга и о его владельце см.: *Olrik A. Sivard den Digre // Arkiv för nordisk filologi*. 1903. Bd. XIX. S. 199–214; *Kahle B. Nordische Kleinigkeiten*: 1. Die ehernen Rosse bei Saxo Grammaticus. — 2. Schiff und Vogel. — 3. Jarl Siward digre und seine Fahne // *Arkiv för nordisk filologi*. 1904. Bd. XX (Ny Följd XVI). S. 292–301.

³⁸ Ср.: «Теперь берестеники (люди Сверрира. — Ф. У.) один за другим очищали корабли островитян (противников Сверрира. — Ф. У.), и по мере того, как их очищали, берестеники переходили с небольших кораблей на большие. Островитяне поставили Муху Победы, стяг Сверрира конунга, на носу своего головного корабля, так что берестеники хорошо видели, где его искать. Они наседали на этот корабль, пока не вернули себе знамя. Затем они взошли на этот корабль и очистили его от штевня до штевня» (Sverris saga. Bls. 128, k. CXX; Сага о Сверрире. С. 120).

³⁹ О том, насколько опасна с тактической точки зрения такая ситуация, когда в ходе боевых действий стяг одного войска случайно оказывается на

роны, однако, «Муха Победы» — это еще и магический объект, и можно надеяться, что он принесет победу тем, кто под ним окажется, независимо от изначальной его принадлежности. В данном случае этот расчет не сработал, но главное, что «Муху Победы» сторонникам Сверрира быстро удалось вернуть, иначе неизвестно, что бы из этого вышло.

Мотив магии и колдовства акцентируется в саге в связи с «Мухой Победы» снова и снова. Так, на определенном этапе военного противостояния посошники, враги Сверрира, не решились сойти с кораблей на берег у Брёттуэйра, так как сочли это дело *нечистым*, заметив в воздухе «Муху Победы» («ос þotti þar ureint firir... er þeir kendu at Sigr-flugan var a lopti») ⁴⁰. В соответствующем же месте редакции «Саги о Сверрире» по «Книге с Плоского острова» говорится, что посошники не решились сойти на берег, поскольку увидели «Муху Победы», знамя Сверрира конунга, и им *померещились тролли перед дверью* («þuiat þeim þotti þar troll fyrir dyrum er þeir kendu at Sigrflugan var a lopti merki Suerris konungs») ⁴¹. Вообще говоря, *тролль перед дверью* — это идиома, обозначающая в языке саг опасное и непреодолимое препятствие, но здесь идиоматическая конструкция

стороне противника, мы можем судить, в частности, по выразительному рассказу, приведенному в другом месте «Саги о Сверрире»: «Берестеники (люди Сверрира. — Ф. У.) двинулись к городу, и встреча произошла на поле выше колокольни, немного не доходя до города. У Магнуса конунга и Эрлинга ярла (главных соперников Сверрира. — Ф. У.) было пять сотен людей. Сразу же разгорелась жаркая битва, и бились ожесточенно, но это продолжалось недолго. Торир Спэла нес стяг Эрлинга ярла. Люди гибли с обеих сторон, но больше у Магнуса конунга. Берестеники рвались туда, где был стяг Эрлинга ярла. Тесный со всех сторон, Торир воткнул древко стяга в землю, так что стяг остался стоять. Тут люди Эрлинга ярла стали отступать, и стяг оказался в тылу тех берестеников, которые больше всего продвинулись вперед. Те, кто шли сзади, подумали, что ярл там, где его стяг, испугались и решили, что началось бегство. Но, когда Сверрир конунг понял это, он велел срубить древко стяга» (Sverris saga. Bls. 41, k. XXXVII; Сага о Сверрире. С. 42).

⁴⁰ Sverris saga. Bls. 155, k. CLVI; ср.: Сага о Сверрире. С. 153.

⁴¹ Flateyjarbók. Bd. II. Bls. 673.

как бы овеществляется, название знамени и появление троллей создают нечто вроде магического подтекста в конкретной военной ситуации.

Итак, мы можем достаточно уверенно утверждать, что саговые тексты позволяют увидеть, чем и как мотивировано имя Сверрирова стяга. Точкой, сближающей муху и знамя, оказывается не что иное, как магия и колдовство: знамя как бы заряжено волшебным свойством приносить победу и удачу и заставляет одерживать верх всякого, кто следует за ним. В этом оно подобно магической мухе, которая заставляет всякого, кто впустит ее в себя, подчиняться колдовской воле.

При этом у нас нет никаких причин сомневаться, что «Муха Победы» существовала на самом деле — «Сага о Сверрире» была написана, так сказать, очевидцами для очевидцев, однако о том, что было изображено на этом предмете, в источнике не говорится ни слова. Некоторые элементы визуализации этого объекта в тексте (ср. «...завидев в воздухе Муху Победы») позволяют предположить, что это могла быть муха как таковая, возможно — некое схематизированное изображение крылатого существа, но никакой определенности здесь нет и быть не может. Вполне вероятно, например, что знамя Сверрира не несло в себе никакого фигуративного образа и это был просто белый или какой-то иной кусок ткани, носившийся в воздухе.

В какой мере, однако, имя *Sigrfluga*, придуманное Сверриром и его сторонниками для стяга, — это плод остроумия, своеобразной игры с заботливо берегаемой культурной традицией? Или речь идет о том, что они буквально полагались на волшебную силу своего знамени?

Нарратив «Саги о Сверрире» дает основание заключить, что набор традиционных приключений, связанных со знаменем, и символическая аура этого предмета воспринимались вполне серьезно. Достаточно вспомнить один из снов Сверрира (а его сны являются важнейшей частью идеологической программы саги), где Олав Святой вручает ему свой стяг (*merki sitt*), дабы

тот нес его как знаменосец в битве⁴². Быть может, еще более выразительна трактовка эпизода, случившегося со Сверриром наяву. У его противников имелся некий стяг, именуемый знаменем святого Олава, и они очень на него рассчитывали. Однако несший его знаменосец задавил несколько человек из своих сторонников, после чего свалился с коня и искалечился сам. В конце концов обладатели этого стяга терпят поражение, и он переходит в руки Сверриру:

Так была одержана победа, которая может показаться невероятной в силу численности того и другого войска [...] Знамя конунга Олава Святого было поднято и внесено в город в *знак победы* («*toco þeir þa merki Olafs konungs. oc baro i þoin við fogrom sigri*»)⁴³.

Здесь, по-видимому, используются как минимум два уже знакомых нам мотива, связанных с магическим знаменем: оно таит опасность для всякого, кто берет его в руки, и оно как бы просится туда, где ему надлежит быть, к своему истинному хозяину. Из саги невозможно определить наверняка — это знамя и есть «Муха Победы»? Если это так, то символическая нагрузка всего вышеизложенного лишь удваивается.

Существенно, однако, что за пределами снов Сверрира аспект волшебного в истории «Мухи Победы» не акцентируется явным образом, не выносится на первый план. Осторожность подобного рода вообще характерна для данного повествования. Чудеса, случающиеся со Сверриром наяву, как правило, не выходят за рамки рационально возможного, или, формулируя это несколько иначе, чудесными объявляются самые разные события из мирной и военной повседневности конунга. Образы, пришедшие из сказок и «лживых саг» (которые, как известно, Сверрир находил всего забавнее), переосмысляются в исключительно прагматическом ключе, снабжаются метатекстовыми

⁴² Sverris saga. Bls. 4–5, k. V; Сага о Сверрире. С. 10.

⁴³ Ibid. Bls. 15–16, k. XV; Сага о Сверрире. С. 19. См. также об этих двух эпизодах: Бусыгин А.В. Указ. соч. С. 123–124.

ремарками, позволяющими читателю находиться одновременно в пространстве волшебного и за его пределами. Так же обстоит дело и с атрибутами архаической магии — у аудитории, в сущности, всегда остается выбор, принять их на веру, отнестись к ним с улыбкой или совместить и то и другое. Главное, чтобы она убедилась в том, что Свэррир как легитимный и полноправный правитель держит это волшебное оружие в своих руках.

КАМНИ И ОБРАЗЫ